

М. В. Пулькин
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

За гранью приличий: девиантность в Олонецкой губернии (XVIII – начало XX в.)

Слава, слава, слава героям!
Впрочем, им довольно воздали дани...
Теперь поговорим о дряни.

В. Маяковский

В современной литературе нередки оценки поведения населения Европейского Севера как независимого, исполненного чувства собственного достоинства, связанного с ценностями коллективизма, заметным влиянием православной идеологии. Для современников событий не стала секретом другая, менее известная ныне сторона характера местных жителей. По замечанию Г. Р. Державина, «поселяне» Петрозаводского уезда «весьма жестоки, ленивы и беспечны, склонны к ябедам <...>, начальникам преслушны»¹. Тем не менее позитивные представления о жителях дореволюционной Карелии явно преобладают как в обыденном сознании, так и в трудах специалистов. Не пытаясь радикально пересмотреть эти представления, я предлагаю обратиться к иной, теневой, значительно более негативной стороне взаимоотношений в среде населения Олонецкой губернии.

Эта темная сторона повседневной жизни северного населения весьма хорошо отражена в архивном материале, представлена практически во всех фондах провинциальных и столичных архивов. Речь идет об основных путях и формах проявления негативного, а точнее говоря, используя проникший в настоящее время на страницы исторических исследований социологический термин, девиантного поведения. Изучение этой проблемы связано с широким кругом вопросов, в числе которых заметное место отводится как агрессивным формам проявления девиантного поведения (драки, нанесение увечий), так и значительно менее явным, зачастую безуспешно маскируемым: проституция, обман покупателей, пьянство и «буйство», преследования отдельных лиц по этническому признаку. Единственным исследованием, где этот вопрос рассмотрен по материалам Олонецкой губернии, является интересное, подробное и беспристрастное исследование В. А. Копяткевича², опубликованное около столетия назад. Затем историки «забыли» об отклоняющемся поведении; изучение

девиантного поведения стало уделом социологов, опирающихся на современные материалы. В настоящее время интерес к данной проблеме начал пробуждаться, появляются первые труды, призванные заложить методологические основы будущих исследований³.

Легко заметить, что разнообразные аспекты девиантных проявлений достаточно полно отражены в источниках, прежде всего, в фондах судебной власти, консисторий, несколько в меньшей степени – городских магистратов. Более того, можно сказать, что автору современных исторических работ нередко приходится отыскивать в огромной массе материалов, связанных с девиантностью, отдельные фрагменты, не содержащие негативной информации. Ведь известно, что если тот или иной индивид не нарушал общепринятые нормы поведения, не вступал в конфликт с законом, то документы, связанные с его скромной биографией, не сохранялись и, следовательно, память о нем быстро исчезала. Огромный массив документов, связанных с рассматриваемой темой, явно нарастал со временем и становится просто колоссальным к середине XIX в. Это легко объяснить: постепенно «все, кто прежде чувствовали себя бесправными и молча сносили обиду и угнетение», направлялись в суд искать справедливости⁴, что не могло не отразиться на объеме сохранившихся в архивах документов. Таким образом, на сегодняшний день игнорируется огромный массив архивных источников и преднамеренно создается односторонняя картина исторических событий. Эта мысль сегодня не нова. Так, анализируя поведение приходского духовенства в XIX в., Т. А. Бернштам утверждает, что в огромном потоке негативной информации «терялся образ сельского пастыря в подлинном значении слова»⁵. Значительное число материалов по девиантному поведению содержится в российском законодательстве. Нередко в самих правовых актах приводятся конкретные примеры девиантного поведения. Но наиболее важную часть данного источника составляют те нормы, которые с точки зрения государства следовало противопоставить отклоняющемуся поведению.

Серьезной проблемой остается соотношение между церковным и светским пониманием девиантности, а также православным восприятием греха и представлением о недопустимом поведении, распространенным в изучаемый период в народной среде. Известно, что в России общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с православным учением. Но «при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям эти представления могли несколько отклоняться от канонических». Отклонения могли быть разными: «иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается, как грех; иногда же, напротив, в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков»⁶. Здесь можно опереться на

значительное число примеров, большинство из которых связано с промыслами и вообще – с практической стороной повседневной жизни. Так, в Заонежье среди рыбаков считалось обязательным «хорошо накормить» любого путника после захода солнца, но до заката «нельзя было отдавать ни одной рыбешки»⁷. В начале XX в. среди олонекских крестьян считалось нормальным просить «Христа ради», превращая это занятие в своеобразный сезонный промысел. По окончании полевых работ вполне обеспеченные местные жители отправлялись нищенствовать в соседние губернии. Им удавалось не только раздобыть пищу, но и сэкономить корм для лошадей, привезти домой разнообразный товар, весело провести время и т. д. В конечном итоге их односельчане приходили к простому умозаключению: нищенство – «легкий и хороший заработок», к которому необходимо стремиться⁸. Все перечисленные и многие другие особенности поведения вели к бесконечному усложнению рекомендаций, связанных с «нормальным» поведением.

Характерная черта девиантного поведения – культурный релятивизм. Это означает, что *социальная норма, принятая либо обществом, либо группой или социальной стратой, представляет собой не абсолютное, а сугубо относительное явление*. То, что в одной группе может считаться отклонением, в другой может восприниматься как норма. С одной стороны, преподавание священников в сельской школе расценивалось крестьянами как отклонение от нормы – забвение попом своих прямых обязанностей. Это благородное начинание пастыря порой «разводило священника с прихожанами»⁹. С другой стороны, отклоняющееся с точки зрения современного человека поведение могло рассматриваться в традиционной культуре как вполне нормальное, не только допустимое, но и рекомендуемое. Среди карелов до начала XX в. считалось нормальным совместное мытье женщин и мужчин в бане: «иногда зимой в бане собиралось чуть ли не полдеревни»¹⁰. Наконец, в отдельных социальных или религиозных группах допустимым могло считаться такое поведение, которое современникам событий представлялось отклоняющимся. Так, для старообрядцев-странников Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XX в. ненормальным считалось создание семьи, обзаведение домашним хозяйством, использование денежных средств, любые контакты с властью¹¹.

Итак, девиантность приобретает самые различные формы, от безобидных до самых серьезных. Очевидно, что проблема девиантности в недалеком будущем станет актуальной научной темой. Ее изучение позволяет выявить новые аспекты истории духовной и экономической жизни XVIII–XX вв., специфику административных задач, возникавших и более-менее успешно решавшихся в изучаемый период. Здесь необходимо отрешиться от эмоциональной оценки по примитивному принципу «плохое – хорошее». Девиантность, по сути дела,

способствовала осознанию необходимости существующего порядка, позволяла мобилизовать силы для его сохранения, а также устанавливала границы между приемлемым и неприемлемым. В некоторых случаях девиантные проявления в жизни карельской деревни способствовали развитию капиталистических отношений и вообще ускоряли общественный прогресс. Так, ростовщичество, закабаление крестьян скупщиками продукции, будучи явно негативными явлениями с точки зрения современников событий, тем не менее, приводили к стремительному развитию товарно-денежных отношений¹².

Те или иные девиантные факторы доминировали в разные периоды истории. Так, с конца XVII в. основным источником девиантности стало старообрядческое движение, которое в XVIII в. достигло в Карелии заметного влияния. Известно, что отклоняющееся поведение возникает, прежде всего, тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества. Неприятие никоновских реформ, тщательно поддерживаемое, культивируемое и развиваемое просвещенной частью старообрядческих сообществ, становилось именно таким вариантом развития событий. Другой мощный фактор развития девиантности – приписка к заводам. Начиная с первых лет XVIII в. огромные массы крестьян были вырваны из привычного жизненного уклада, вынуждены отстаивать свои права в борьбе с односельчанами (во время «мирского» распределения повинностей) и с местной администрацией, а также выполнять значительный объем работ на невыгодных условиях. И наконец, третьим существенным моментом всплеска девиантности стали рекрутские наборы, которые в сознании крестьян, по сути дела, отождествлялись с убийствами. От рекрутчины спасались бегством, надолго прячась в лесах, а между крестьянскими семьями вспыхивали ссоры и даже вооруженные стычки из-за решения вопроса о «выдаче» рекрута¹³. Девиантное поведение во всех перечисленных случаях могло затрагивать не только непосредственных виновников крестьянских бед, но и всех тех, кто по их представлениям был связан с властью. Примером здесь могут послужить многочисленные дела о конфликтах между духовенством и прихожанами, в которых обе стороны, в особенности крестьяне, действовали предельно жестко, не останавливаясь перед насилием¹⁴.

В конечном итоге, распространению девиантного поведения способствует то обстоятельство, что в ходе перемен в экономике и духовной жизни нарушилась регулирующая роль социальных институтов (в частности, прихода), в которых важнейшая роль отводилась «мирскому» самоуправлению, действующему на основании освященных веками традиций. Это стало возможным потому, что община (или приход) утратила свое предназначение – освобождать индивида от проявления неупорядоченной активности, перенапряжения сознания в связи с беспрестанным принятием решений в ситуации

нестабильности и неопределенности. С другой стороны, под угрозой тогда поставлено важное достояние местного сообщества как социального организма – солидарность. Ведь известно, что «девиантологические факторы в немалой степени связаны со снижением сплоченности общества»¹⁵. Наконец, срабатывала общая закономерность: в условиях нарушения привычного уклада жизни одни лица демонстрируют большее стремление следовать общепринятым нормам, а другие, как правило, чаще проявляют склонность нарушать существующие правила поведения, быстро формируя девиантную среду¹⁶.

Дальнейшее развитие событий показывает, что рост девиантности связан с нарушением традиционного уклада жизни, а не с бедностью населения. Заживление полученных обществом ран быстро принесло свои ощутимые плоды. С начала XIX в. основные, наиболее значимые факторы, способствующие массовой девиации, отошли в прошлое. Прежде всего, значительно сгладились в общественном сознании последствия церковного раскола, его наиболее экстремальные проявления (массовые самоожжения, восстания старообрядцев) стали достоянием истории. Отдельные группы старообрядцев, более или менее успешно взаимодействующих с господствующей церковью, не становились источником беспокойства и девиантных проявлений для местной власти и населения. Церковь, судя по миссионерским отчетам, ставила перед собой цель покончить со старообрядческим влиянием путем проповеди, церковного просвещения, убеждения сторонников «древлего благочестия», а не путем радикальных, репрессивных мер, т. е. не нарушая стабильность общества и исключая ответные проявления девиантности¹⁷. Важным фактором стабильности в поведенческой сфере стала школа. Ее усилия были направлены на ускоренную адаптацию подрастающего поколения к существующим порядкам, воспитание законопослушных граждан. Прошедшее школу поколение в меньшей степени проявляло склонность к крайним, наиболее грубым формам девиантного поведения. В дальнейшем олонекское земство отмечало благотворное влияние школы, видя в ней надежный путь «к грамотному ведению крестьянского хозяйства» и вообще – к цивилизованным формам экономической активности¹⁸. Однако влияние школы не следует преувеличивать: в начале XX в. заметный рост числа учащихся, как подчеркивал В. А. Копятевич, совпал с ощутимым ростом разнообразных форм девиантного поведения¹⁹.

По данным современных исследований, новый существенный импульс к дальнейшему развитию девиантность получила в середине XIX в.: «Личная свобода, полученная в результате великих реформ, дорого обошлась обществу – она привела почти к четырехкратному росту преступности»²⁰. В числе факторов, толкающих отдельных лиц на девиантные проявления, очевидно, можно назвать постепенно разворачивающийся процесс становления индивидуальной

личности, разрушение устоявшихся норм коллективной жизни, существенное снижение влияния православной идеологии, заметное расслоение общества. Особенно отчетливо и быстро эти процессы проявлялись в городах, поэтому урбанизация становилась существенным фактором, способствующим девиантным проявлениям. Повсюду в России, и Олонецкая губерния здесь не исключение, городская жизнь являлась силой, подрывающей традиционные общинные институты²¹. Деревня, конечно, тоже не была оазисом спокойствия. Город усиливал существующие агрессивные настроения. Известно, что переезжающие из деревни в город и вырывающиеся из-под власти общины крестьяне часто проявляли склонность к девиантному поведению: «не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям»²². Более того, возвращаясь из города в деревню, они шокировали своих односельчан и местное духовенство. Как говорилось в статье, написанной псаломщиком из Немжинского прихода Олонецкой епархии, на общем фоне выделяются «те субъекты, которые побывали в столице». Они «позволяют себе в праздничные дни выпить и с гармонией в руках бродить по селу, распевая неприличные песни»²³. В первые десятилетия XX в. разлагающее влияние города стало очевидным и представители духовной власти с тревогой отслеживали происходящие изменения: «Вредно влияют на народ и отхожие промыслы, откуда люди приходят как бы переродившимися, к сожалению, в дурную сторону: крестное знамение изображают плохо, а обычай принимать благословение у священника в иных местах исчез бесследно»²⁴.

Статистика подтверждает наблюдения современников событий. По данным конца XIX – начала XX в. в абсолютных цифрах среди преступников лидируют крестьяне²⁵. Иногда их девиантные настроения принимали массовый, радикальный и угрожающий характер. Так, узнав о манифесте 17 октября, крестьяне Вытегорского уезда, как писал местный священник, «восприняли его превратно». Они решили «ехать целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев для того, чтобы правительство узнало об их недостатках и удовлетворило их нужды». Не соглашавшихся с ними односельчан они «хотели подвергнуть собственному суду и избиению». Священнику с трудом удалось предотвратить беспорядки²⁶. Несколько меньшей в абсолютных цифрах стала в изучаемый период преступность в мещанской среде. Затем, в порядке убывания – лица привилегированных сословий: личные и потомственные дворяне, духовенство, купцы и почетные граждане.

Но в относительных показателях, с учетом огромного процента крестьян в населении губернии, картина становится иной: «среди отдельных сословий наиболее преступным оказывается сословие мещанское, затем идут привилегированные сословия и, наконец, крестьяне»²⁷. Виды преступлений

также существенно различаются в зависимости от сословной принадлежности правонарушителей. У крестьян наиболее развиты нанесение увечий, убийства. У мещан и лиц привилегированных сословий оказалась наиболее развита преступность имущественного характера, а у последней категории населения столь же распространенными оказались должностные преступления. Во всех перечисленных сословиях на рубеже XIX и XX вв. шел непрерывный рост числа правонарушений²⁸.

Значительно менее на девиантность влияли этнические и гендерные факторы, хотя их воздействие, особенно гендерного фактора, также нельзя полностью игнорировать. Известно, что на рубеже XIX и XX вв. женская преступность в Олонецкой губернии оказалась «развитой в гораздо меньшей степени, чем преступность мужская». Женская преступность полностью отсутствовала в сфере должностных преступлений (взятки, превышение полномочий), что вполне объяснимо, поскольку женщины, по сути дела, были отстранены от участия в деятельности органов власти. «Крайне ничтожным» оставалось участие женщин в политических преступлениях: с 1897 по 1911 г., в том числе в бурные годы первой русской революции, к ответственности по этой разновидности деяний привлечено 2 женщины и 232 мужчины. Несколько большее число женщин предстало перед судом за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, а также против прав собственности. Зато в преступлениях против «прав семейственных» (родительские права, обязанности супругов) число подсудимых женщин оказалось «лишь немного ниже числа мужчин». Впрочем, по соответствующим статьям закона в рассматриваемый период было осуждено небольшое число граждан обоего пола²⁹.

В конечном итоге, изучая девиантное поведение, мы имеем дело с личностью, отвергающей социальные регуляторы и противопоставляющей им свои собственные, зачастую неприемлемые для общества, правила поведения. Это особо отчетливо проявилось в становлении и развитии проституции, для которой в заводских поселениях, где мужское население явно преобладало, открывалось обширное поле деятельности. На первых порах в XVIII в. с проституцией, существовавшей на Петровском заводе, боролись с помощью суровых репрессивных мер. Заводская канцелярия в 1775 г. обнаружила, что в слободе живут «бабы и девки», которые «подвергают себя, так и других <...> венерическим болезням». Девки решили «отослать на прежние жительство», а чтобы они больше не появились при заводах, «выдать в замужество»³⁰. В дальнейшем в XIX – начале XX в. попытки искоренить проституцию не предпринимались, но занимающиеся «бордельным промыслом» женщины были поставлены под суровый врачебный контроль. Здесь срабатывала общероссийская закономерность: «Наряду с довольно скромны-

ми масштабами привлечения к уголовной ответственности за сводничество значительно большее количество проституток привлекалось к судебной ответственности за неисполнение правил врачебно-полицейского надзора»³¹.

Девиантное поведение проявлялось в ряде сфер, имеющих разную природу: преступления, самоубийства, сексуальные отклонения, алкоголизм, бродяжничество. В современной литературе нередко в качестве специфических форм отклонений рассматриваются изменения в моде, различные виды творческой деятельности, направленной на создание уникального, отличного от того, что принято считать нормой на уровне обыденного сознания³². Можно проследить своеобразное сохранение энергии в сфере девиантного поведения: в XVII–XVIII вв. сферой его проявления стала конфессиональная жизнь, в которой отдельные представители приходского духовенства, многие верующие демонстрировали грубое нарушение общепринятых норм поведения при решении имущественных споров и совершении обрядов, прежде всего – заключении браков. В следующем столетии ситуация начала меняться. В XIX в. среди областей проявления девиантного поведения особое место отводится экономической активности населения. В экономической сфере девиантность связана с обманом, фальсификацией продукции, разнообразными, в том числе опасными для здоровья населения, нарушениями общепринятых правил торговли. Наконец, в начале XX в. отчетливо проявились и стали заметной частью криминальной хроники преступления государственного характера: участие в тех или иных формах антиправительственного, революционного движения. О причинах этого нового явления, опираясь на местные материалы, предельно отчетливо и с опорой на статистические материалы писал В. А. Копятевич: «Люди выбиты из старой, веками проложенной колеи, люди должны устраиваться заново. Как много людей оказывается беспомощными в таком положении! Как многие из них должны пойти по скользкой дороге преступления!»³³.

Самым непосредственным образом отклоняющееся поведение связано с криминалом. Всевозможные преступления против личности, насилие встречались в истории Европейского Севера постоянно, причем, судя по документам, имела отчетливая тенденция к их численному росту, увеличению масштабов. Возможно, это связано с более тщательной фиксацией преступлений, начавшейся в конце XVIII – начале XIX в., по мере становления губернских органов власти. Ведь известно, что экономическая активность населения находилась под пристальным контролем разнообразных ведомств. В то же время следствие по делам, связанным с преступлениями против личности, как и по всем вообще преступлениям, где не присутствовали государственные интересы, велось крайне неэффективно из-за незначительности и слабой подготовленности

местного управленческого аппарата. Сам местный быстро растущий в XIX в. управленческий аппарат мог стать источником специфических форм девиантности. Эта проблема плохо отражена в источниках, поскольку «отношения населения и администрации, основанные на традиционном кормлении, признавались нормальными обеими сторонами». Протест могли вызывать «лишь крайние проявления насилия и злоупотреблений местных властей»³⁴. Нередко мы имеем дело с цепью девиантных поступков, в которых девиантность одной части населения приводила к «ответной» девиантности. Так, крайне плохие условия жизни на лесозаготовках и сплаве древесины приводили к ответным мерам со стороны работников. Они, «находясь в постоянном страхе за свою жизнь», часто демонстрировали свое недовольство, которое выражалось в «протестах против плохой пищи, в порче хозяйского инвентаря, в избиении десятников и приказчиков»³⁵.

В то же время отрадной особенностью изучаемой сферы стало отсутствие девиантных проявлений, связанных с национальным вопросом. Существование русского и карельского населения оставалось мирным в течение всего доступного для изучения периода. Местные ресурсы (охотничьи угодья, земли, пригодные для сельского хозяйства) при малочисленности населения не становились предметом противоречий, а конфессиональные различия оставались незначительными и были связаны преимущественно с языческими элементами в мировоззрении, в то время как православие играло роль сплачивающего фактора. Появление представителей других культур (евреев, поляков, англичан, финнов) оставалось эпизодическим, представители всех этих народов не стремились захватить доминирующие позиции в обществе, а их экономические возможности оставались незначительными. Более того, некоторые из них, например, евреи, стремились к максимальной адаптации в новой для себя обстановке, избегали конфронтации с коренным населением и вызывали не опасения, а скорее, сочувствие из-за приниженого правового статуса³⁶. В то же время в местной прессе, епархиальной и губернской, нередко антисемитские высказывания, которые потенциально могли послужить основой для девиантного поведения.

Возможности российского общества противопоставить негативному девиантному поведению иные нормы и правила, а также эффективную карательную систему оказывались небольшими и имели тенденцию к сокращению. Речь шла о крайне немногочисленном полицейском аппарате, православных священниках, обязанных выступать в роли хранителей общественной морали. И духовенство, и в особенности представители силовых структур сами зачастую не без оснований обвинялись современниками в девиантных проявлениях. Общественное мнение также не могло

стать серьезным фактором, препятствующим девиантным проявлениям. Его влияние, особенно в городах, становилось все менее значимым. Не менее важным является и другое обстоятельство. У общества отсутствовал некий единый идеал, противопоставляемый девиантным образцам поведения. В средние века таким идеалом могли послужить жития святых. По мере роста секулярного сознания использование этой разновидности литературы в поисках идеалов, применимых к повседневной жизни, оказалось маловероятным. Более того, память верующих нередко противопоставляла благочестивых предков и забывающих о христианской морали современников³⁷, косвенным образом санкционируя девиантное поведение. Общепринятые нормы вообще трудно точно определить, в результате чего девиантность принимает огромное множество промежуточных форм между отклоняющимся и одобряемым обществом поведением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 163.

² Копяткевич В. А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897–1911 гг. Петрозаводск, 1914.

³ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 94.

⁵ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 127.

⁶ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 94.

⁷ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 42.

⁸ А. Пр-ий. Нищенство как промысел // Олонецкие епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). 1907. С. 255–256.

⁹ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 399.

¹⁰ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 116.

¹¹ Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // Приложение № 22 ОЕВ за 1912 год. С. 7.

¹² Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 194.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Повседневность религиозности: конфликты духовенства и прихожан в XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2003. № 2. С. 14–19.

¹⁵ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. С. 249.

¹⁶ Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 130.

¹⁷ Козлов И. Указ. соч. С. 15–23.

¹⁸ Илюха О. П. Отношение карелов Олонецкой губернии к школе и образованию (конец XIX – начало XX века) // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 43.

¹⁹ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 21.

²⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 97.

²¹ Энгелстейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 239.

²² Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 95.

²³ Фарсионов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда // ОЕВ. 1906. № 13. С. 511.

²⁴ Козлов И. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Маклюинов К. Из села Ухты, Вытегорского уезда // ОЕВ. 1906. № 1. С. 26–27.

²⁷ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 15–16.

²⁸ Там же. С. 15–16.

²⁹ Там же. С. 12.

³⁰ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 279, л. 327–328.

³¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. С. 325.

³² Рахматуллин Э. С., Хабриев Р. Ф. Девиантное поведение как социальная проблема. Казань, 2004. С. 105.

³³ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 21.

³⁴ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. М., 2007. С. 328.

³⁵ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 51.

³⁶ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Евреи в малых городах Европейского Севера России (конец XIX – начало XX в.) // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 203–213.

³⁷ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Православная память: противоречия и стимулы развития в XIX – начале XX в. // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе. СПб., 2007. С. 225.